

## Одна из старинных карательных мѣръ.

Между безчисленными карательными мѣрами, практиковавшимися въ разные времена и у разныхъ народовъ, изгнаніе изъ родины является одною изъ древнѣйшихъ. Примѣнялось оно и въ античномъ мірѣ, извѣстно и среди европейскаго общества, знакомо и намъ, русскимъ. Изгнаніе изъ родины считалось въ оны дни однимъ изъ наиболѣе суровыхъ наказаній. И это вполне понятна: преступникъ, осужденный на изгнаніе, лишался покровительства отечественныхъ законовъ, первый встрѣчный могъ безнаказанно лишить его жизни, а найти безопасное убѣжище въ иномъ государствѣ было почти невозможно. Изгнанникъ здѣсь былъ чужеземцемъ, личность котораго, при тогдашнихъ варварскихъ взглядахъ на международныя отношенія, ровно ничѣмъ не была гарантирована.

У насъ на Руси изгнаніе, какъ карательная мѣра, получило особенное развитіе въ юго-западной половинѣ русскаго міра, въ той его части, которая называлась Литовскою Русью. Здѣсь изгнаніе подъ именемъ выволанья или баниціи было санкціонировано и обычаемъ, и закономъ и удержалось даже и тогда, когда оно въ значительной степени утратило свой грозный характеръ. Въ плохо дисциплинированномъ западно-русскомъ обществѣ изгнаніе примѣнялось очень нерѣдко. Здѣсь были въ ходу два вида изгнанія: изгнаніе частное—изъ такого-то мѣста и изгнаніе общее—изгнаніе изъ государства. Первый видъ изгнанія усвоенъ былъ юго и западно русскими городами, пользовавшимися нѣмецкимъ Магдебургскимъ правомъ. Изгнаніемъ или, по тогдашнему, выволаньемъ городская община старалась избавиться отъ тѣхъ изъ своихъ членовъ, присутствие которыхъ въ стѣнахъ города, по ихъ завѣдомой безнравственности, могло вредить интересамъ горожанъ. Основанное на статьяхъ нѣмецкаго городского права, выволанье тѣмъ не менѣе крѣпко прилипло къ мѣстной народной почвѣ, нашло себѣ поддержку въ правовыхъ воззрѣніяхъ самаго народа и глубоко сроднилось со всею складомъ жизни городскихъ общинъ. Неудивительно поэтому, что выволанье, какъ карательная мѣра, удержалось въ южно-русскихъ городахъ и по присоединеніи края къ русскому царству, когда, повидимому, южно-русское мѣщанство имѣло полную возможность избавиться отъ чуждыхъ ему, навязанныхъ извнѣ, институтовъ и правовыхъ нормъ. Въ юридическихъ памятникахъ 2-ой половины 17 в., иллюстрирующихъ бытъ городскихъ общинъ, выволанье фигурируетъ, какъ одна изъ наиболѣе распространенныхъ карательныхъ мѣръ. Въ большинствѣ случаевъ выволанье является смягченіемъ смертной казни. Выволанью обыкновенно подвергались воры въ тѣхъ случаяхъ, когда воровство, хотя и крупное, не наказывалось смертью. Въ 1686 г. въ Бориспольѣ посажены были „подъ секвестръ“ (въ тюрьму) два какихъ-то подозрительныхъ челоѣка, которыхъ обвиняли въ воровствѣ. Держали ихъ тамъ долго, пока, наконецъ, мѣщане и козаки не стали пенять „уряду“ (начальству) за то, что онъ даромъ тратитъ мирскія деньги на содержаніе и сторожу „злодіевъ“, и требовать суда. Назначили день суда, но безуспѣшно: обвинять „злодіевъ“ никто не явился. Тогда начальство порѣшило вывести „злочинцевъ“ на городскую площадь во время пятничнаго торга и допросить ихъ публично, черезъ палача. Устрашенные построжками (обычное на Украинѣ орудіе тѣлесныхъ наказаній), „злодіи“ повинились въ нѣсколькихъ воровствахъ, послѣ чего урядъ предложилъ потерпѣвшимъ требовать удовлетворенія. Незбѣжнымъ слѣдствіемъ такого требованія была-бы смерть „злочинцевъ“, но молодость преступниковъ склонила бориспольцевъ къ милосердію. Ихъ казни никто не потребовалъ, напротивъ, „громада“ говорила, что „злодіевъ“ нужно отпустить на покаяніе, а если ужъ и послѣ этого не покаются, то тогда уже сами „на своихъ головахъ отнесутъ изгнѣль“. Къ милосердію склонился и самъ судъ, и по его рѣшенію „злочинцы“ были караны построжками и выгнаны палачемъ изъ Борисполья, а жителямъ строго наказано не принимать къ себѣ „злодіевъ“ не только въ городѣ, но и въ цѣломъ уѣздѣ, подлежащемъ юрисдикціи Бориспольской ратуши\*.

Случай, подобный только что приведенному, были явленіемъ очень обыкновеннымъ. Смертная казнь за воровство примѣнялась магистратскимъ судомъ только въ видъ исключенія, и выволанье въ такихъ случаяхъ являлось излюбленнымъ смягченіемъ драконовскихъ постановленій Саксона и Статута. Ино-

гда, впрочемъ, выволанье сопровождалось и другими карательными мѣрами. „Злодіи“ предварительно били у столпа „катовскими инструментами“, а затѣмъ выгоняли; иногда, для еще болѣе сраму, „злодіи“ выгонялись изъ города нагимъ, а иногда съ обрѣзанными ушами; бывали случаи, когда вмѣстѣ съ изгнаніемъ осужденныхъ отдавались на старшину, или же нарочно расхищались и разрушались и ихъ усадьбы, „чтобы они не имѣли пидѣ пристанища и прибѣжища, какъ злые и не боящіеся Господа Бога преступцы“.

Выволанью зачастую подвергались и уличенные прелюбодѣи. Въ 1657 г. Нѣжинскій магистратскій судъ разбиралъ дѣло о мертвомъ ребенкѣ. Оказалось, что ребенокъ этотъ—плодъ незаконной любви нѣкоего Трохима Федченка и вдовы Оедоры Вовкувы, которые, однако, въ смерти ребенка виновными признаны не были. По рѣшенію суда, Трохимъ и Оедора за ихъ „нецноту“ были съ позоромъ выгнаны палачомъ изъ города въ разные ворота, безъ права возвращенія обратно\*. Въ Стародубѣ въ 1692 г. судился нѣкій Кондратъ Никитинъ за то, что, оставивъ законную жену, сошелся съ другою, а сверхъ того подговаривалъ къ блудодѣянью и еще двухъ другихъ бабъ. По декрету магистратскаго суда, Кондратъ былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію и выгнанъ изъ города\*\*.

Примѣнялось выволанье и въ болѣе серьезныхъ случаяхъ, когда преступникъ, повинный смерти, почему либо „даровался горломъ“. Вотъ, напр., такой случай изъ нѣжинской хроники того же 1657 г. Нѣкій Василь Волошинъ купно съ пріятелемъ своимъ Мискомъ Титаренкомъ напали въ полѣ на жену батуринскаго мѣщанина Гриценка Ровдю и ея сестру—дѣвушку. Миско ударилъ Ровдю обухомъ по головѣ, а Василь „незбожный учинокъ гвалтовне зъ нею выполнилъ“. Негодяи не оставили въ покоѣ и молоденькую сестру Ровди: Миско избилъ ее нагайкой и сорвалъ съ шеи монисто и золотые дукаты. У потерпѣвшихъ нашлись свидѣтели, преступленіе было серьезное, и судовымъ декретомъ оба преступника были приговорены къ смертной казни. Но тутъ на помощь осужденнымъ пришло прощеніе самой потерпѣвшей Ровди, которая не захотѣла ихъ смерти, а требовала только денежнаго вознагражденія за грабежъ. Финалъ этого дѣла былъ таковъ: Василю и Миску были обрѣзаны уши, послѣ чего городской палачъ выгналъ ихъ построжками изъ города, а обывателямъ было строго наказано не принимать къ себѣ изгнанныхъ подъ страхомъ смертной казни\*\*\*.

Таково было выволанье у людей „простого стану“. Къ шляхтѣ и рыцарству тоже примѣнялось выволанье, но уже не мѣстное, а общее—выволанье изъ государства. Такому выволанью подвергался убійца или иной кто, виновный въ преступленіи, за которое караютъ горломъ, не явившійся безъ законныхъ причинъ на судъ, или же убѣжавшій отъ преслѣдованія правосудія въ иное государство. Въ такихъ случаяхъ, судъ, не откладывая дѣла, удовлетворялъ потерпѣвшаго или его родичей съ имѣніи преступника, а о самомъ преступникѣ доводилъ до свѣдѣнія короля, который и объявлялъ его „выволанцемъ“. Королевскій листъ съ объявленіемъ баниціи оглашался судебными приставами—возными во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, на торгахъ, въ судахъ, костелахъ и церквахъ. Возные обязаны были вычитать полное имя выволанца, тотъ проступокъ, въ которомъ онъ явился „противникомъ Пана Бога, зверхности господарской и права посполитаго“ и наконецъ, королевскую волю, въ силу которой онъ объявлялся изгнанникомъ изъ государства и общества королевскихъ подданныхъ, „такъ что уже никто съ нимъ общенія имѣть и въ домѣ своемъ держать не долженъ и правомъ тѣмъ, которымъ веселиться всѣ подданные его королевской милости, онъ веселиться не можетъ и пользоваться имъ права не имѣетъ“. Жена изгнанника объявлялась вдовою, дѣти сиротами, а домъ его пустымъ. Выволанцу не оставалось иного средства, какъ просить короля о глейтѣ. Глейтъ—это охранный листъ, выдававшійся изгнаннику на время. Глейтъ, какъ и баниція, объявлялся всенародно, а получившій его обязанъ былъ немедленно явиться для оправданія въ тотъ судъ, въ которомъ разбиралось его дѣло. Глейтъ можно было выпросить не позже 1 году и 6 недѣль со времени объявленія баниціи, если же банить пропускать этотъ срокъ, онъ объявлялся вѣчнымъ выволанцемъ.

Złota wolność часто граничила съ необузданнымъ самоуправствомъ, а потому не рѣдко бывало и такъ, что получившій глейтъ или пріѣхавшій въ столицу за его полученіемъ попадался въ новой уголовщинѣ, вновь бѣ-

\* Орывки изъ Нѣжинскихъ магистратскихъ книгъ, стр. 12—13.

\*\* Стародуб. магистрата книга справъ поточныхъ на рокъ 1690. (Изъ рукописей Х. И. архива).

\*\*\* Орывки изъ Нѣжинск. магистр. книгъ, стр. 23—26.

\* Акты Бориспольскаго мѣйскаго уряда (1612—1699), стр. 97—98.

жалъ и вновь объявлялся выволанцемъ, но на сей разъ уже вѣчнымъ. Въ обыкновенныхъ случаяхъ королевское право выдачи охранныхъ листовъ простиралось до трехъ разъ, послѣ чего виновный уже окончательно признавался вѣчнымъ выволанцемъ. Если такой выволанецъ попадался въ руки властей, онъ карался горломъ, какъ заведомый злодѣй; всякій имѣлъ право задержать его и представить въ ближайшій судъ; тотъ, кому случалось убить выволанца, не подвергался никакому наказанію.

Таково было шляхетское выволанье въ старой Рѣчи Посполитой Польской. Нужно, однако, сказать правду, что не смотря на полное безправіе выволанца, участь эта не особенно пугала польскихъ и русскихъ пановъ. При отменно дурномъ устройствѣ управленія безсиліе власти сказывалось всякій разъ, какъ дѣло касалось кого нибудь повыше, и въ тогдашнемъ обществѣ возможны были такіе молодцы, какъ знаменитый панъ Лащъ, стражникъ его королевской милости, на которомъ, по разсказу Ерлича, лежало не больше, не меньше, какъ 217 баницій. Изъ королевскихъ листовъ и судовыхъ декретовъ вельможный панъ смастерилъ себѣ мантию, въ которой и щеголялъ въ насмѣшку надъ законами и правосудіемъ.

Съ присоединеніемъ Южной Россіи къ державѣ русскихъ царей выволанье изъ государства выходитъ изъ употребленія. Для козачества оно было наказаніемъ черезчуръ аристократическимъ, а посольство не знало его и раньше, къ тому же гарматное вязанье, кнѣ, секвестръ, шибиница съ успѣхомъ поддерживали уваженіе къ закону, а далекій „Сибѣрь“ былъ вполне достаточнымъ пугаломъ для самыхъ строптивыхъ. Выволанье на столько вышло изъ судебной практики, что о немъ не упоминается даже въ числѣ карательныхъ мѣръ, принятыхъ составителями „Правъ, по которымъ судится малороссійскій народъ“. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ ассимиляціи края и водворенія въ немъ русскаго права, выволанье становится совершеннымъ анахронизмомъ, своего рода судебнымъ курьезомъ, которому плохо вѣрится. И въ самомъ дѣлѣ, не странно ли это архаическое выволанье изъ государства въ то время, когда тысячи украинскихъ изгоевъ, съ успѣхомъ культивировали край, „гдѣ клубится безпредѣльный Енисей“? Однако, такіа странности иногда бывали и бывали онѣ уже въ Екатерининское время, т. е. въ ту именно пору, когда Украина окончательно теряла послѣдніе признаки обособленности. Вотъ нѣсколько такихъ случаевъ.

Въ 1766 г. войсковой товарищъ Иванъ Ковалевскій обвинялся въ убійствѣ козака. Дѣло разбиралось въ Прилуцкомъ городскомъ (уголовномъ) судѣ. Обвиняемому былъ посланъ позовъ (повѣстка) съ приказомъ явиться къ отвѣту въ правный 4 недѣльный срокъ. Насталъ день суда. Возный громко воскликнулъ рангъ и фамилію обвиняемаго, но Ковалевскаго въ судѣ не оказалось.

Выкликачка повторилась на другой день и на третій, но безъ успѣха: обвиняемый на судъ не явился и причинилъ „нестанья ку праву“ не представилъ. Суду оставалось только постановить обычное въ такихъ случаяхъ „мнѣніе“ о томъ, что подсудимый достоинъ смертной казни, а вмѣсто оной присуждается къ ссылке въ Сибирь, и препроводить это „мнѣніе“ на разсмотрѣніе генеральнаго суда и малороссійской коллегіи. Однако на сей разъ судьи захотѣли судить не по обычаю, а по самому настоящему малороссійскому праву. Справившись съ 4 артикуломъ 11 роздѣла Статута, судъ вынесъ мнѣніе, коимъ войсковой товарищъ Иванъ Ковалевскій „для нестанья до сконченія права skutecznego“ былъ приговоренъ къ выволанью изъ государства Россійскаго. Выволать Ковалевскаго, однако, не пришлось. На точномъ основаніи права осужденному нужно было бы хлопотать о глейтѣ. Но времена были другія, и вмѣсто просьбы о глейтѣ Ковалевскій явился въ Глуховъ съ жалобою на самихъ судей, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего знаменитаго рѣшенія прилуцкіе судьи сами были вызваны въ генеральный судъ „для очевистаго мовенія“ съ осужденными ими выволанцемъ.\*

А вотъ и другой случай уже съ политическимъ, такъ сказать, оттенкомъ. Въ 1767 г. въ генеральный судъ представленъ былъ при указѣ малороссійской коллегіи войсковой товарищъ Григорій Покасъ. По ордеру управлявшаго тогда Малороссіей графа Румянцева Покасъ подлежалъ суду за „препятствіе веденію добраго порядка“. Захвачена была переписка подсудимаго съ полковымъ писаремъ Косачемъ, изъ коей было видно, что Покасъ „оказался недоброжелательнымъ обществу“, ибо покушался „всѣми образы“ препятствовать доброму порядку, заводимому правителемъ. Подсудимый былъ подвергнутъ допросу и сознался въ писаніи извѣстныхъ злокачественныхъ писемъ. Оставалось произнести приговоръ, но произнести его оказалось труднѣе, чѣмъ можно думать. Преступленіе, въ которомъ виновенъ былъ Покасъ, въ Статутѣ предусмѣрено не было: его переписка не заключала въ себѣ никакого умысла ни противъ „персоны господарской“, ни противъ „покою посполитого“. Но оставить безъ осужденія человека, присланнаго при ордерѣ самого „его сіятельства“, было, конечно, не возможно. И вотъ, начинается обычное въ такихъ случаяхъ „метанье изъ права въ право“. Въ „правахъ цесарскихъ“ на страницѣ 15 отыскивается, наконецъ, артикулъ, нѣсколько подходящій къ данному случаю, и судъ единогласно постановляетъ: „изгнать Покаса изъ государства Россійскаго“. \*\* Но и на сей разъ приговоръ, насколько знаемъ, не былъ приведенъ въ исполненіе. Чѣмъ замѣнилъ Румянцевъ выволанье изъ государства, — сказать не можемъ; во

\* Харьк. чит. архивъ. Дѣло Мал. Коллегіи. № 30816

\*\* Харьк. чит. архивъ. Дѣло Мал. Коллегіи. № 12910.

всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что недоброжелательный Покасъ былъ „покашенъ вельми“.

А вотъ, наконецъ, и третій случай выволанья, пона сей разъ уже настоящаго, прошедшаго черезъ всѣ инстанціи и санкціонированнаго конфирмаціей самой „персоны господарской“. Войсковой товарищъ Иванъ Марковичъ купно съ двумя своими подданными Цекаломъ и Рубаномъ обвинялся въ убійствѣ своего пасѣчника-казака. Какъ видно изъ показаній Цекала и Рубана, прежде убійства Марковичъ подвергнулъ несчастнаго пасѣчника варварскимъ истязаніямъ, билъ его арапникомъ, жегъ „литки“ раскаленнымъ желѣзомъ. На Марковичѣ, кромѣ того, лежала и другая уголовщина: онъ и его слуги обвинялись въ убійствѣ лукомскаго жителя Саввы Романенка. Позванный на судъ по этимъ двумъ убійствамъ, Марковичъ къ отвѣту не явился. Вѣрно было сыскать его въ срокъ и представить въ генеральный судъ. Но посланный за Марковичемъ возный не засталъ его въ его деревнѣ, а староста тамошній на разпросы вознаго отвѣтилъ, что его панъ уѣхалъ въ Глуховъ. Однако и въ Глуховѣ Марковича не оказалось; прошла молва, будто-бы онъ уѣхалъ въ Петербургъ. Послѣ бесплодныхъ поисковъ сдѣлана была, наконецъ, публикація о сыскѣ Марковича и доставкѣ его въ генеральный судъ уже за карауломъ. Публикація повторялась нѣсколько разъ. Съ лубенскихъ помѣщиковъ-сосѣдей и родичей Марковича отобраны были подписки съ обязательствомъ не давать преступнику пріюта. Розыски продолжались что-то около 2-хъ лѣтъ, но безъ всякаго успѣха. Марковичъ какъ въ воду канулъ\*. Рѣшили, наконецъ, разбирать дѣло безъ главнаго преступника. Допросили сидѣвшихъ въ „секвестрѣ“ „подданныхъ“ Марковича, допросили въ другой разъ „съ священническимъ увѣщеваніемъ“, допросили, наконецъ, и въ третій, съ помощью плетей, но ничего не добились: „подданные“ твердили одно: убили они пасѣчника, убили и Савку Романенка, но по приказанію своего пана и при его помощи. Послѣ этого суду оставалось только постановить приговоръ. Убитый пасѣчникъ былъ не подданный Марковича, а вольный казакъ, возмездіе за голову котораго было то-же, что и за голову шляхтскую, а панскіе слуги, совершившіе убійство по приказу пана, по I артикулу 11 розд. Статута, виновными не признаются. Въ виду такихъ резоновъ, генеральный судъ и вынесъ приговоръ, коимъ было постановлено: „Марковича казнить смертию, а въ силу Высочайшей грамоты сослать въ вѣчную ссылку въ Сибирь, людей-же его Цекала и Рубана, яко они за помощниковъ въ убійствѣ почитаемы, быть не должны, — свободить“\*\*. Приговоръ этотъ перешелъ для конфирмаціи въ Малороссійскую коллегію, а оттуда въ Сенатъ съ заключеніемъ коллегіи, что на точномъ основаніи малороссійскихъ правъ Марковичъ под-

лежалъ-бы не ссылкѣ въ Сибирь, а совершенному выводу изъ государства. Заключение коллегіи было одобрено Сенатомъ, а указъ и самой Государыней, и 20-го ноября 1767 года состоялся Высочайшій указъ, коимъ Марковичъ былъ всенародно объявленъ безчестнымъ и изгнаннымъ изъ владѣній Императрицы Всероссійской\*.

Выволанье Марковича было, кажется, въ Малороссіи послѣднимъ выволаньемъ. Съ послѣдовавшимъ вскорѣ введеніемъ въ край общерусскаго уголовного права, случаи, подобные только что приведеннымъ, стали, конечно, невозможны.

Въ заключеніе, намъ думается, умѣстнымъ былъ-бы вопросъ, чѣмъ объясняется сквозная въ приведенныхъ случаяхъ тенденція къ возстановленію забытой и давно вышедшей изъ употребленія карательной мѣры? — Объясняется она, по нашему мнѣнію, настроеніемъ самого тогдашняго общества. Соціальная исторія козацкой Украины какъ-бы сдѣлала кругъ и вновь возвратилась къ исходной точкѣ своего отправленія. Въ половинѣ XVIII столѣтія украинскій народъ пришелъ почти къ тому самому общественному строю, который за 100 лѣтъ передъ тѣмъ онъ отрицалъ всѣми силами своей души. На Украинѣ выросло свое собственное шляхетство съ его шляхетскимъ патриотизмомъ и шляхетскими тенденціями, а вмѣстѣ съ нимъ выросло и стремленіе къ возстановленію настоящаго шляхетскаго права въ полномъ его объемѣ, даже съ его крайностями. Это шляхетское право стало для украинскіхъ „патріотовъ“ возжеланнымъ идеаломъ, а еще неотмѣненный Литовскій Статутъ, санкціонирующий шляхетскія вольности — драгоцѣнной гарантіей свободы, за которую слѣдуетъ держаться обѣими руками. Не даромъ-же одинъ изъ представителей украинскаго шляхетства восклицалъ на Глуховскомъ съѣздѣ 1763 года: „Мы такіе имѣемъ законы, которые лучше только имѣть можетъ вольный и благородный на свѣтѣ народъ!“.

Д. М.

\* Х. И. архивъ. Дѣло Мал. Колл. № 643.

\*\* Арх. Мал. Колл. № 12910.